

Революционное па-де-де Анны Павловой

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ

21 ноября 1905 года, в самый разгар первой русской революции, в балетной труппе Императорского Мариинского театра произошло ЧП: танцовщик И. Кшесинский, (брат хозяйки знаменитого особняка) дал по физиономии своему коллеге А. Монахову. Как и положено людям благовоспитанным, балетные артисты дошли до столь крайних форм телесного самовыражения не от избытка винно-водочной экспрессии, а по сугубо политическим мотивам. Конфликт ухитился корнями еще в «доконституционную» эпоху...

15 октября, ровно за два дня до издания знаменитого «Манифеста 17 октября», добившись разрешения от театральной администрации, балетная труппа Мариинки провела в Театральном училище собрание по вопросу о прибавках и своих нуждах под общим лозунгом «демократизации императорских театров». Было избрано организационное бюро, в состав которого вошли такие знаменитости, как М. Фокин, Т. Карсавина и уже упомянутый И. Кшесинский. Под руководством оргбюро артисты выработали постановление, текст которого гласил: «В целях нашего экономического улучшения жизни мы требуем, чтобы для наших периодических собраний не принималось никаких репрессивных мер, чтобы личность оратора, членов свободно избранного нами бюро и вообще артистов была неприкосновенной... Если бы последовало какое-то репрессивное отношение к нашим постановлениям со стороны администрации, — грозно возвышали голос безмолвствовавшие до сей поры танцовщики, — то у нас имеются в виду способы и средства борьбы с этим произволом».

На следующий день, 16 октября, представители оргбюро, среди которых были Карсавина и Фокин, вручили ультиматум театральной администрации, а заодно, ссылаясь на «нравственность обстановки» выплотили лично для себя разрешение не участвовать в утреннем спектакле «Пиковая дама». Затем они отпоявились в театр, где принялись подстрекать своих товарищей к проведению забастовки. «В настоящих тяжелых дни, — патетически восклицали Фокин и Карсавина, — когда на улицах режет народ, — ну ужели артисты будут потешать эту буржуазию? Народ, к слову сказать, в тот день на улицах никто

особо не «резал», однако «Пиковую даму» все же пришлось давать без танцевальных номеров, а вечерний спектакль — и вовсе отменить.

После этого происшествия представители большинства труппы (около 90 человек), опасаясь быть обвиненными в забастовочной активности, обратились к театральной дирекции с просьбой не считать действительными их подписи под постановлением от 15 октября. Они же срочно представили директору императорских театров В. Теляковскому особую записку с пожеланиями чисто экономического характера. Пижанность ситуации заключалась в том, что все это «штрайкбрехеры» делали по секрету от радикально настроенного меньшинства.

В свою очередь «революционная» половина танцовщиков также подала своим дирекции записку с требованием об улучшении своего материального положения и уведомила об этом «согласительское» большинство. В итоге, по словам Теляковского, в Мариинском театре разгорелась самая настоящая «война Айя и Белой розы».

К 21 ноября, когда в связи с выборами в балетную комиссию часть артистов собралась все в том же репетиционном зале Театрального училища, страсти были накалены до предела. Анна Павлова, бывшая одной из активисток «революционной» части коллектива, обратилась к молодому танцовщику А. Монахову (из «Белой розы») с просьбой показать составленную ею «партий» записку. Прочитав ее, Павлова гневно аскинула брови: «Почему эти пожелания до того, как были доложены директору театров, не были сообщены всей труппе?» Монахов на это запальчиво ответил, что не показывал записку другим лицам, как, впрочем, и самой Анне Павловой, потому что считает их всех «забастовщиками» и еще потому, что «лица, принадлежащие к партии г-жи Павловой, неоднократно называли артистов противоположной партии «подлецами». Возмущенная тем, что ее определили таким незначительным словом, как «забастовщик», Павлова бросила Монахову: «Вы подлец и есть!»

При этом многообещающем разговоре присутствовал единственный артист А. Павловой — И. Кшесинский. По его собственным словам, видя возмущенное состояние королевы русского балета, он решил перевести беседу в более философское русло: «Не будем разбирать в настоящее время, кто подлец, — будущее покажет, кому принадлежит

этот эпитет», на что якобы последовала реплика Монахова: «Кшесинский, вы подлец!»

По показаниям свидетелей противоположной стороны, Кшесинский поддержал Павлову, заявив во всеуслышанье: «Да, конечно, подлец» — что вызвало со стороны молодого танцовщика аналогичную ответную фразу, за которой и последовала кульминационная пощечина. Усилиями присутствующих артистов драка была предотвращена.

24 ноября 1905 года И. Кшесинский был уволен со службы в связи с тем, что в императорских театрах «не могут быть терпимы артисты, позволяющие себе кулачную расправу с товарищами». Конечно, ему приписывали и подстрекательство к забастовке. Впрочем, увольнение Кшесинского было тоже своеобразной «фигой в кармане», которую в ту пору спешили показать императору все, у кого имелось как минимум три пальца в кармане. В данном случае Дирекция императорских театров «постигла на место» Мариинку Кшесинскую, известную своей прежней близостью к Николаю II. Когда Кшесинский попытался было намекнуть на то, что у него есть возможность переговорить через некое «лицо» с министром двора по поводу всего происшедшего, директор театров Теляковский не отказал себе в удовольствии заметить: «Нельзя же одновременно быть и революционером, и пользоваться самой что ни на есть монархической протекцией — это уже непоследовательно».

В конечном счете увольнение Кшесинского осталось в силе, Монахову за «несодержание последнего» был сделан выговор, а Павловой поставили на вид «ее резкое обращение, проявленное по отношению к Монахову».

В 1914 году Кшесинский вернулся в Мариинку, а спустя три года в России установилась новая власть, которая горьким делом попыталась отнять у бывшего борца с «позолоченным прошлым» не только всю домашнюю посылку, но даже материю, в которых в 1918 году остро нуждалась самая сильная в мире Красная Армия. Впрочем, благодаря хлопотам начальства от «матрачной повинности» Кшесинский был все же освобожден. Но главное не это, а то, что новая власть окончательно примирила враждовавшие доселе балетные партии. И: «забастовщик» Кшесинский и «подлец» Монахов стали вместе заслуженными артистами РСФСР.

Аня ХАПАЧЕВА